

ПЬЕТА ПРЕСТЫЖИНА-СЕРЕДНЯКА

Всем знакомо то настроение, которое бывает, когда в доме только что вымыли окна. И погода на дворе вроде бы не переменялась — даже может быть пасмуровая, — и в гости никто не пришел, а сразу стало правяничнее. Похожее чувство появляется и при встречах с людьми, не просто работающими, а сореализующимися в своем иногда очень скромном с виду труде.

Село, где была у меня недавно такая встреча, расположено в Краснослободском районе и называется Новая Карга — центральная усадьба колхоза «Советская Россия». О нем я услышал на пленуме Мордовского областного комитета партии. О нем говорил в докладке первый секретарь обкома Анатолий Иванович Березина, и говорил с похвалой.

— Это село, — говорил он, — за последние годы буквально преобразилось. Здесь есть Дом культуры, библиотека, краеведческий музей, музыкальная и художественная школы, комплексный спортивный зал.

Слушая этот перечень, я подумал, что он мог бы сделать честь любому районному центру, но не любой районный центр таким перечнем может похвастаться. А я люблю — да и это же люблю! — бывать в культурных селах, перепрыгивая теоретический принцип «странствия границ» в реальный и последовательный быт. Их я в своем Нечерноземье еще, и социальное, не так много и поэтому каждое хочется увидеть своими глазами.

В Новой Карге произошло удачное сплетение обстоятельств. Одно из них — сплошность оросельчан. Сплошность в трудовой любви. Село это старое, с традициями. И всегла про каргиныцев говорили: работающие мужики. Иными обстоятельствами стал Яков Мариевич Шопотников — председатель колхоза.

Мне один деревенский философ, который, помню еще «квадратно-гнездовой» способ, так говорил: «Председатели бывают сеющие и жующие, а бывают еще и строящие». Так вот Яков Мариевич Шопотников был еще и строящим. Он был твердо убежден, что сельское производство — наиважнейшая, но все-таки лишь одна сторона сельской жизни. Без другой стороны — сельской жизни не получается, и тогда люди меняют эту неподходящую жизнь на городскую. Он не вынашивал дотошного принципа «играться в город». Он строил.

При нем строили жилые дома не только удобные, но и красивые, при нем построили и Дом культуры. При нем Новая Карга стала действительно новой.

Яков Мариевич из числа тех ветеранов колхозного движения, которые свою собственную деятельность всегда видели как бы на стыке вчерашнего и завтрашнего дней. Потому-то он задала, когда никто и помыслил не мог, что в песенниках стал исать преесница. В конце кон-

цов его выбор остановился на главном зоотехнике колхоза Николае Ивановиче Кривошотове.

Шопотников не обманулся в своих надеждах: молодого председателя последовательно продолжал линию старого: построен детский сад, торговый центр, спортивный комплекс, крытая танцевальная, асфальтированные улицы, разбиты цветники.

Зная, как трудно бывает в Нечерноземье найти наземных подрядчиков, я спросил Михаила Алексеевича Афонина, председателя сельсовета:

— Кто вам все это строит?

— Как кто? Сам! — последовал ответ.

Оказывается, это тоже шапошниковская традиция —

ничего этого в глаза не видеть. И зрелым полезно посмотреть да сравнить.

Хорошо в Новой Карге. Хорошо, что идеологическая работа обеспечивается социальным развитием села, а социальное развитие — идеологической работой. Хорошо, что много лет подряд не случается ни воровства, ни хулиганства. «Нет у нас не озоруют», — говорили мне многие. Все это хорошо, но не надо забывать, что такие села пока еще имеют значение образца. И об этом открывавший говорил на пленуме Мордовского обкома партии его первый секретарь Анатолий Иванович Березина.

Культурное строительство, — говорил он, — идет неравномерно. В некоторых районах видно явное отстав-

ление. Неравномерность наблюдается и между отдельными селами и хозяйствами.

В ожидании ШЕКСПИРА

Всегда хочется понять, докопаться, почему в одном месте дело ладится, а в другом валится из рук. Объективные причины такой разницы или, если угодно, такой неравномерности мы, кажется, изучили и распознавать, и анализировать. Меньше повесело в этом смысле причинам субъективным. Между тем в субъективных причинах нет ничего такого уж таинственного. Субъективные причины гнездятся в человеческой натуре. Потому-то Ленин строгостно повторял, настаивал, требовал: «Проверять людей в проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики».

Наивно, а может быть, и удобно думать, что это личное требование не распространяется на политику в области культуры. Достаточно перечитать переписку Председателя Совнаркома В. И. Ленина с наркомом просвещения А. В. Луначарским, чтобы рассеять всякие сомнения на этот счет.

В нынешний приезд мне не удалось побывать в мордовском селе, где я вранчическом, ни в драматическом, ни в театре музыкальной комедии абы был на гастролях. Между тем разговоры о театральном деле пришлось слышать много.

В докладе Анатолия Ивановича Березина прозвучала явная озабоченность.

— Вызывает беспокойство, — сказал он, — некоторый спад в работе театров драмы и музыкальной комедии.

В них немало интересных актеров, есть удачные постановки, затрагивающие серьезные нравственные проблемы, но есть и откровенно примитивные работы — и по замыслу, и по исполнению. Очевидно, в театральном кол-

лективах не создано еще всыскательной творческой обстановки.

Слышать это было грустно, ибо мордовский театр за свою уже более чем полувековую историю знал времена устойчивого успеха, воспитал чуткого и преданного зрителя, был весьма ошутимым слугаином духовной жизни республики.

Узнал меня и министр культуры Мордовской АССР А. А. Долгачев, который, выступая на пленуме, практически ничего не сказал о театральном деле. Их носулся, правда, его заместитель Н. В. Фролкин за «крутым столом» в отделе культуры обкома, но тоже как-то вскользь.

Обмен мнениями по поводу театра между участниками

«круглого стола» все-таки состоялся, но в виде своеобразной тирмбы. Ее начал директор театров Л. В. Воронин, когда задал председателю правления Союза писателей И. М. Девяну скраментальный, но всея вядиомости, вопрос:

— Какая работа ведется с местными драматургами?

— Театр должен работать с драматургами, — ответил Девян. — Мы в Союзе писателей можем оценить произведение с точки зрения литературной, а в сценарном плане — дело за театром.

Я слушал эту тязбу наоборот, где стороны не тянули к себе, а отталкивали от себя, и вспоминал полный зрительный зал на спектакле по пьесе покойного Г. И. Меркушина «Голубое сияние», который видел пятнадцать лет назад. Знал я также, что в семидесятые годы на той же сцене с успехом шли исторические драмы другого местного драматурга Александра Терпикина «Крестник Его Величества» — о поэте Александре Полежаеве — и «Об Илье Николаевиче Ульянове. И не было тогда споров на литературно-театральной меже: театр искал драматургов, находил их, кропотливо работал с ними и был вознагражден благодарными зрителями. И еще я думал о двух колхозных председателях из Новой Карги и библиотекарке Елене Дмитриевне Блаховой, из ее музейной издоби крестьянина-середняка и रुपонисными межуарами ее односельчан.

Люди проверяются делом, проверяются отношением к нему.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Не помню кому, но в данном случае это не так уж важно, принадлежит краткая и емкая формула: «Время это мы!» И в самом деле, облик времени складывается из наших дел, наших идей, наших страстей, наших желаний современной Мордовии — экономический, соци-

альный, культурный — чрезвычайно подвижен, динамичен. И если бы кто-то поставил себе целью воплотить его в некоей пластической форме, то обязательно пришлось бы использовать художественный язык Степана Эрьзы, который звал тайну одухотворенного движения.

Из всей суммы перемен заметнее всего, очевиднее всего социальные. Анатолий Иванович Березина, характеризующий, отделил одну важную особенность.

— У нас в республике, — сказал он, — сложился многочисленный и очень молодой по времени рождению рабочий класс.

Это очень существенная примета. И, должен сказать, что еще далеко не все мордовские писатели, Анатолий Эрьза, художники осознали этот, без преувеличения, исторический для республики факт во всей его глубине и в главных его последствиях. Такое предположение — отнюдь не результат моих только, и тому же достаточно поверхностных, наблюдений.

Его подтверждает и моя собственная из числа самих писателей и художников.

Деревенская тема традиционна для литературы и искусства Мордовии. Она в русле жизненного опыта писателей и художников старшего, среднего да во многих и младшего поколений, которые сами были крестьянами или крестьянскими детьми. Разумеется, я крайне далек от мысли считать эту тему второстепенной или второстепенной, но убежден, что освоение новых «городских» пластов жизни не только жизни фабрично-заводской, но и жизни научной, которая также весьма заметная составляющая облика республики, — так вот освоение этих пластов ставится для мордовской литературы и искусства более чем актуальным. А в том, насколько плодотворным для национальной литературы может стать этот путь, сомневаться вряд ли стоит.

Столь же далеки я и от мысли, что «привычку» ороской темы к живому литературному дереву, к живому дереву искусства можно сделать административным, во «режим наибольшего благоприятствования» для художественной публицистики, скажем, создать можно и, видимо, должно.

В работе творческих союзов, особенно союзов писателей и композиторов, сейчас очень сильна тема «выхода на народ». Я имею в виду выездные пленумы правлений в районных центрах и деревнях. В то же время писатели, скажем, оказались очень мало знакомы с научными проблемами, которые решаются мордовской наукой в ходе осуществления комплексных программ «Нечерноземье» или «Человек и среда» и т. д., художники, да и не кажется, обладают, кроме всего прочего, еще и сильными эстетическим зарядом.

В Мордовии много света. Ее духовный потенциал разнообразен и богат. И просто необходимо всю эту потенциальную энергию превратить в кинетическую, в энергию действия, в личностную. В свет для человека.

Д. КАЗУТИН, наш спец. корр.

САРАНСК — МОСКВА.

страна советов, 80-е годы

СВЕТ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

все строить хозяйственным способом, всем миром, как сказали бы в старину.

Много чего есть в Новой Карге, как бы это удачнее сказать, нехараактерного, что ли, для деревенского образа жизни. Ну, например, зачем понадобился каргиныцам теннисный корт? Теннис — классическая игра аристократов, спорт, так сказать, снобов.

При чем тут аристократы? — обиделся даже Михаил Алексеевич Афонин. — У нас очень приятная команда. Хорошо выступает на соревнованиях. Кого угодно спросите...

И все-таки больше всего мне понравилась в Новой Карге библиотека — просторная, светлая, ухоженная, а главное — это чувствуется — мужская каргиныцам.

На телевизор, ни выделенное кино не может соперничать с ней. Все грамотное население, начиная с младших школьников, — ее читатели.

И тут самое время сказать о Елене Дмитриевне Блаховой, библиотекарке. Она-то и есть тот самый человек, который священнодействует в своем деле. А дело ее не ограничивается выдачей книг.

В одном атакже с библиотекой — музей истории села: несколько комнат и зал. В комнатах на стенах — портреты уважаемых каргиныцев, на столах — альбомы, рукописные книги. Книги меня особенно заинтересовали. Оказалось — межуары все тех же знаемых каргиныцев, коллективная история села.

В зале музея — лаба. Натуральная лаба крестьянина-середняка начала века, как сказано на пояснительной табличке. В лабе — люлька, подвешенная к потолку, прялка на столе — самовар и керосиновая лампа; под лавкой — лапти.

Главная вдохновительница, собирательница и хранительница музея — все та же Елена Дмитриевна.

Большое подспорье для школы, — говорила мне она, волнуясь, вдруг я не пойму, — теперешние ребятишки

В ОЖИДАНИИ ШЕКСПИРА

Всегда хочется понять, докопаться, почему в одном месте дело ладится, а в другом валится из рук. Объективные причины такой разницы или, если угодно, такой неравномерности мы, кажется, изучили и распознавать, и анализировать. Меньше повесело в этом смысле причинам субъективным. Между тем в субъективных причинах нет ничего такого уж таинственного. Субъективные причины гнездятся в человеческой натуре. Потому-то Ленин строгостно повторял, настаивал, требовал: «Проверять людей в проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики».

Наивно, а может быть, и удобно думать, что это личное требование не распространяется на политику в области культуры. Достаточно перечитать переписку Председателя Совнаркома В. И. Ленина с наркомом просвещения А. В. Луначарским, чтобы рассеять всякие сомнения на этот счет.

В нынешний приезд мне не удалось побывать в мордовском селе, где я вранчическом, ни в драматическом, ни в театре музыкальной комедии абы был на гастролях. Между тем разговоры о театральном деле пришлось слышать много.

В докладе Анатолия Ивановича Березина прозвучала явная озабоченность.

— Вызывает беспокойство, — сказал он, — некоторый спад в работе театров драмы и музыкальной комедии.

В них немало интересных актеров, есть удачные постановки, затрагивающие серьезные нравственные проблемы, но есть и откровенно примитивные работы — и по замыслу, и по исполнению. Очевидно, в театральном кол-

лективах не создано еще всыскательной творческой обстановки.

Слышать это было грустно, ибо мордовский театр за свою уже более чем полувековую историю знал времена устойчивого успеха, воспитал чуткого и преданного зрителя, был весьма ошутимым слугаином духовной жизни республики.

Узнал меня и министр культуры Мордовской АССР А. А. Долгачев, который, выступая на пленуме, практически ничего не сказал о театральном деле. Их носулся, правда, его заместитель Н. В. Фролкин за «крутым столом» в отделе культуры обкома, но тоже как-то вскользь.

Обмен мнениями по поводу театра между участниками

«круглого стола» все-таки состоялся, но в виде своеобразной тирмбы. Ее начал директор театров Л. В. Воронин, когда задал председателю правления Союза писателей И. М. Девяну скраментальный, но всея вядиомости, вопрос:

— Какая работа ведется с местными драматургами?

— Театр должен работать с драматургами, — ответил Девян. — Мы в Союзе писателей можем оценить произведение с точки зрения литературной, а в сценарном плане — дело за театром.

Я слушал эту тязбу наоборот, где стороны не тянули к себе, а отталкивали от себя, и вспоминал полный зрительный зал на спектакле по пьесе покойного Г. И. Меркушина «Голубое сияние», который видел пятнадцать лет назад. Знал я также, что в семидесятые годы на той же сцене с успехом шли исторические драмы другого местного драматурга Александра Терпикина «Крестник Его Величества» — о поэте Александре Полежаеве — и «Об Илье Николаевиче Ульянове. И не было тогда споров на литературно-театральной меже: театр искал драматургов, находил их, кропотливо работал с ними и был вознагражден благодарными зрителями. И еще я думал о двух колхозных председателях из Новой Карги и библиотекарке Елене Дмитриевне Блаховой, из ее музейной издоби крестьянина-середняка и रुपонисными межуарами ее односельчан.

Люди проверяются делом, проверяются отношением к нему.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Не помню кому, но в данном случае это не так уж важно, принадлежит краткая и емкая формула: «Время это мы!» И в самом деле, облик времени складывается из наших дел, наших идей, наших страстей, наших желаний современной Мордовии — экономический, соци-